

НЕ СМОТРИ В ГЛАЗОК

АНТОН АБРАМОВ

АНТОН АБРАМОВ
Не смотри в глазок

«Автор»

2026

Абрамов А.

Не смотри в глазок / А. Абрамов — «Автор», 2026

В обычной панельке ради безопасности устанавливают «умные» видеоглазки. Приложение пишет короткие клипы: движение у двери, курьер, сосед, кот. Все буднично... пока однажды в архиве не появляется запись в 03:33. На видео подъезд становится длиннее, чем способен быть. В торце, где всегда окно, возникает дверь с твоим номером. А в глубине стоит человек, которого камера не должна видеть. С каждой ночью клип прибавляет секунду. С каждым просмотром меняется то, что ты уже видел. Домовой чат превращает страх в вирус: люди пересылают записи и коридор растёт, выбирая новых зрителей. Инженер Ника приезжает «починить баг», но быстро понимает: это не сбой. Это правило. То, на что смотрят, становится настоящим. И однажды запись покажет, как ты выходишь из своей квартиры... туда, где нет ни лестницы, ни лифта... только дверь в конце коридора, которая ждёт, пока ты повернешь ручку.

© Абрамов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Заявка	10
Глава 2. Двенадцать секунд	19
Глава 3. Повтор	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Антон Абрамов

Не смотри в глазок

Пролог

Ночь в панельном доме не наступает, она *закупоривает*. Сначала стихает двор, затем лестничная клетка, после уже квартиры по одной, как если бы кто-то шёл вдоль фасада и гасил их изнутри, не трогая свет, а вынимая звук. В конце остаются только привычные мелочи: ровное дыхание батарей, щелчок холодильника, далёкое урчание лифта, которое иногда кажется не механизмом, а крупным зверем, ворочающимся во сне.

Максим лежал на спине и смотрел в потолок. На нём, в углу, было тёмное пятно, старый след от протечки. Днём оно выглядело просто отметиной, но ночью, когда глаза долго держатся за тьму, у метки появлялась *форма*. Нечёткая, как память: будто кто-то однажды прижимал туда ладонь и оставил отпечаток не водой, а временем.

Он повернул голову. Виктория спала на боку, лицом к стене. Одеядо поднималось и опускалось равномерно, без заминок, чистая механика жизни, которая не требует участия. На тумбочке у кровати стоял стакан с водой, от которого тянуло холодком, жидкость в стекле держала ночь лучше, чем воздух.

Максим осторожно сел. Пружины дивана (они спали в зале, так было проще последние недели) едва слышно отозвались, точно дом отметил движение карандашом в журнале.

На кухне было чуть теплее. Узкая, привычная, с плиткой «под кирпич», которую Виктория выбирала так долго, словно от рисунка зависело, будет ли здесь жить спокойно. Чайник стоял на плите, как всегда. На столе кружка с засохшим ободком компота; сладость за ночь стала тусклой, липкой, как выдох.

Максим открыл кран, сполоснул руки и выключил воду раньше, чем она успела набрать голос. Он делал всё тихо, скорее не забота, а привычка к ночи. Тьма любила, когда ей не мешают.

Телефон лежал на кухонном подоконнике, экраном вниз. Максим перевернул его. Поверхность вспыхнула коротко, ровно, без плавности, как окно, которое открыли в темноте, и в комнату мгновенно вошёл чужой свет.

02:58.

Ему казалось, он не спит уже очень давно. С тех пор как установили этот глазок – новый, «умный», с экраном и приложением, – сон стал похож на ожидание уведомления. Даже когда телефон молчал, мозг всё равно стоял наготове, ловил вибрацию заранее.

Он не называл это тревогой. Лучше осторожностью. В этом доме осмотрительность была почти добродетелью: закрыть дверь на два оборота, проверить газ, не оставлять обувь у порога, потому что её кто-нибудь непременно пнёт.

Максим вернулся в зал и остановился у входной двери. Она была массивная, обитая тёмным, местами протёртым материалом. Внизу полосы, оставленные сумками, ногами, пылью. На уровне глаз маленький встроенный экран видеоглазка. Сейчас он был чёрным. Тёмный прямоугольник, в котором отражалась едва заметная полоска света из кухни, и это отражение делало экран похожим на закрытый глаз.

Максим стоял, не касаясь двери. Ему хотелось приложить ухо и прислушаться к подъезду. Но насторожить ухо в панельке значит лишь слышать чужие трубы, посторонние шаги, незнакомый кашель, всё сразу, и в этом многообразии невозможно вычленить одно. Похоже на радио, настроенное между станциями.

В подъезде действительно что-то было: лёгкий, сухой звук, будто кто-то слегка коснулся перил ладонью. Потом ещё один, ближе. И тишина, которую не назовёшь обычной: затишье было *плотным*, оно давило на дверной глазок изнутри.

Максим поднял руку, нажал на кнопку экрана.

Дисплей ожил. Картинка обычная, цветная, слегка желтоватая: их короткая площадка шестого этажа, четыре двери, мусоропровод, лифт, окно в торце. Лампа под потолком мерцала едва заметно, делая тени беспокойными. Никаких людей.

Он выключил экран. Постоял. Шорохов больше не было.

«Показалось», – подумал он. И в тот же момент телефон у него в ладони завибрировал.

Коротко. Плавно. Не звонок... уведомление.

Он опустил взгляд.

Приложение видеоглазка. Значок движения.

Время: 03:33.

Максим моргнул, потому что не мог совместить цифры. На кухонных часах было без одной минуты три. На телефоне же уведомление на три тридцать три. Он поднял голову, будто от этого мог увидеть, как время скачет по комнате. В комнате ничего не сдвинулось. Виктория спала. Одеядло поднималось и опускалось всё также. стакан с водой на тумбочке продолжал держать ночь.

Он вновь посмотрел на телефон.

Под уведомлением была кнопка: «*Просмотреть*».

Он нажал. Машинально, пальцы действовали быстрее мысли. Сообщения устроены так, что превращают человека в продолжение интерфейса.

Экран заполнила чёрно-белая картинка. Ночной режим. Глубина стала другой: стены казались гладкими, как гипсовая штукатурка, а тени плотными, будто их можно зацепить.

На первой секунде он увидел площадку. Свою. Ту же, что и всегда. Только лампа в кадре не мерцала. Свет был равномерный, холодный, без подъездной желтизны. От этого знакомое пространство выглядело... *не своим*. Как фотография собственной квартиры, сделанная чужим человеком под своим углом зрения.

На второй секунде взгляд камеры будто дотянулся дальше. Площадка не расширилась, она *удлинилась*. Там, где должен был быть торец с окном, на записи тянулся ещё один кусок коридора. Потом ещё. Глубина уходила дальше, чем позволяла планировка.

Максим подался ближе к телефону, как будто мог сократить расстояние глазами.

На третьей секунде в дальнем конце появилось движение, тёмное пятно, которое нельзя было списать на шум матрицы. Это была фигура. Неподвижная. Стоящая в центре того длинного, невозможного коридора, как отметка на линейке.

На пятой секунде внизу кадра, почти у самой камеры, дрогнула тень, точно кто-то прошёл рядом, слишком близко, чтобы попасть в кадр целиком. Экран телефона в руке Максима охлаждал ладонь.

На шестой секунде далеко, у той фигуры, вспыхнул маленький прямоугольник света, экран телефона или что-то похожее. Этот свет выхватил кусок стены. И Максим увидел то, что заставило его задержать дыхание скорее не от страха, от *невозможности*.

Дверь.

В самом конце коридора, там, где в реальности была стена и окно.

Металлическая дверь. Со знакомым рисунком. С цифрами.

47.

Он почувствовал, как во рту стало сухо. Горло мгновенно пересохло, словно его проложили бумагой.

На девятой секунде фигура в дальнем конце чуть сдвинулась. Она не пошла, а словно *поправила* своё положение в кадре, как исправляют ошибку.

На десятой секунде ручка на двери “47” опустилась.

Это движение было почти будничным. Никакого рывка, никакой злости. Проверка. Лёгкое нажатие вниз, как когда возвращаешься домой и не уверен, закрыл ли.

На одиннадцатой секунде дверь приоткрылась внутрь.

Не в квартиру. В *темноту бездны*.

Клип оборвался. Экран вернулся к ленте архива, к аккуратным прямоугольникам записей: «движение», «перемещение», «действие». Казалось, только что увиденное можно поставить в один ряд с курьером и соседским котом.

Максим стоял в комнате, которая вдруг стала слишком тесной. Он поднял голову на дверь. Она была здесь, рядом. Обычная. Плотная. Не способная вместить коридор, который он только что видел.

Он снова нажал «просмотреть».

Тот же клип. Те же двенадцать секунд. Та же дверь в конце.

И всё же при повторе на третьей секунде ему показалось, что фигура стоит чуть ближе. Не физически, а именно ощущением приблизившегося присутствия. Как если бы картинка знала, что её смотрят второй раз, и делала крошечное приглашение.

Он выключил. Долго смотрел на чёрный экран телефона, где отражалась полоска света из кухни.

Снова включил экран видеоглазка на двери.

Цветная картинка показала нормальную площадку. Короткую. Окно в торце. Лампа мерцает. Никаких дверей. Полное отсутствие лишних метров.

Противоречие было хуже любого объяснения. Расхождение не оставляет опоры. Оно не пугает, *растворяет* то, на чём держится «нормально».

Максим выключил экран.

Снаружи, в подъезде, что-то щёлкнуло.

Тихо. Почти вежливо.

Показалось, что кто-то там попробовал опустить ручку.

Он наклонился к двери, приложил ладонь к обивке. Дверь была тёплая, впитала жар квартиры. А ниже, у щели, тянуло холодом. Не сквозняком, стынью, которая пахла подъездом: мокрым бетоном, старой краской и чем-то кислым, похожим на мусоропровод.

Максим обернулся на диван: Виктория спала всё так же. Он не хотел её будить. Не желал произносить вслух «там другая дверь с нашим номером» и слышать, как слова становятся реальностью. Некоторые вещи, оказавшись в воздухе, уже не возвращаются обратно в голову.

Он снял цепочку. Медленно. Без металлического звона, чтобы ни один звук не выскочил наружу.

Ключ повернулся в замке... два оборота. Звон оказался слишком громкий в тишине квартиры, как удар по стеклу.

Максим взялся за ручку. Она была чуть влажной, то ли от его ладони, то ли от подъездного холода, который уже проползал внутрь.

Он приоткрыл дверь ровно на ширину ладони.

Воздух в прихожей стал другим моментально. Холодный. Сырой. С запахом подъезда, но в этом запахе вдруг появился ещё один оттенок – сладкий, домашний, почти невидимый: компот, тёплая ткань, человеческое присутствие. Как если бы подъезд забрал этот запах у других и держал где-то снаружи, как наживку.

За щелью был коридор. И он был... длиннее.

Не так, как на записи – не сразу невозможно. Но достаточно, чтобы глаза споткнулись. Окно в торце словно отъехало дальше. Лампа под потолком не мерцала, а горела ровно, холодно.

Двери соседей стояли на местах, но казались вымытыми из реальности: слишком ровными, чересчур тихими, без привычных царапин и узоров. Даже коврики выглядели так, будто их никто не топтал, как новые.

Максим сделал шаг на площадку и осторожно прикрыл дверь за собой, чтобы щелчок не разбудил Викторю.

Дверь встала в замок мягко, почти бесшумно.

Он стоял на плитке. Слушал.

Лифт где-то внизу дышал металлом. В трубах журчала вода. Никаких шагов. Никаких голосов.

Только в самом конце коридора шевельнулась тень.

Максим поднял телефон. Экран светил ему в лицо, выхватывая нос и губы бледным прямоугольником. Приложение само открыло тот же клип, как будто не терпело пауз.

Двенадцать секунд.

Он поднял взгляд от телефона и посмотрел прямо в дальний конец коридора.

Там действительно была дверь.

Та самая, которую некуда было поставить.

С номером 47.

И она была не закрыта: тонкая щель чернела по краю, как линия, проведённая по металлу ногтем. Из прорези тянуло холодом, совершенное другим, не подъездным. Озноб пустого помещения, где нет батарей и нет запахов, кроме старого железа.

Максим шагнул вперёд.

Плитка под ногами была сухой. Но звук шагов получился странным, не от его подошв, а, казалось, от чьих-то ещё, чуть позже, на полсекунды позади. Он остановился. Звук остановился тоже. Синхронно. Это было хуже, чем эхо.

Сделал ещё шаг.

Коридор тянулся мягко, без сопротивления, как резина. Окно в торце всё ещё было далеко. Двери по бокам будто не приближались. И воздух: атмосфера становилась чище, сухая и прохладная, как в пустых новых подъездах, где ещё не живут.

Максим оглянулся.

Его дверь – настоящая, правильная – была позади. Но не рядом. Слишком далеко для тех двух шагов, что он сделал.

Расстояние изменилось так, как не меняется в реальности: не скачком, а *незаметно*, пока ты смотришь в другую сторону.

Сердце не забило быстрее. В груди просто стало пусто и холодно, как в лифтовой шахте.

Максим повернулся обратно к двери «47» в конце коридора.

Щель стала шире.

И оттуда, из тьмы, донеслось едва слышное, не голос, не шёпот, а *вдох*, будто кто-то там, за дверью, тоже прислушивался.

Он подошёл ближе. Встал у самой двери. Металл был гладкий, без царапин. Цифры «47» выглядели свежими, будто их прикрутили недавно. Но края цифр были чуть стёрты, как от частых касаний.

Максим поднял руку к ручке.

Она была тёплая.

Не от подъездного воздуха, не от его ладони, он ещё не касался. Как предмет, который только что держали. Едва уловимое тепло шло от неё самой и явственно ощущалось вокруг.

Он положил пальцы на металл.

Изнутри, за дверью, что-то тихо щёлкнуло в ответ, словно там тоже взяли за ручку с другой стороны.

Максим не отдернул руку. Не успел. Он не выбирал, просто оказался внутри движения, которое уже началось.

Ручка пошла вниз.

Дверь подалась.

И вместе с ней влился воздух: сухой, ледяной, без подъездных запахов, но с чем-то узнаваемым и невозможным: с теплом его квартиры, принесённым сюда, в эту щель, как украденный запах.

Он увидел внутри не комнату и не лестницу.

Внутри был коридор.

Ещё один.

Темнее.

И в этой темноте далеко-далеко горела маленькая синяя точка, как экран телефона, оставленного включённым.

Максим шагнул.

За спиной, уже где-то очень далеко, мягко и аккуратно закрылся замок.

Телефон в его руке вспыхнул уведомлением:

«Запись сохранена».

Под ним, как обещание приговора, стояла кнопка:

«Просмотреть ещё раз».

Глава 1. Заявка

В конце дня город становился плоским, как картинка с камеры наблюдения: серый шум, редкие вспышки фар, лица, стёртые компрессией до чужой универсальности. Офис «Линии», так они называли диспетчерскую и выездной сервис, хотя в действительности это были две комнаты над пунктом выдачи, жил этим шумом круглосуточно. Мониторы на стене показывали подъезды, лифтовые холлы, дворы, шлагбаумы, парковки. Сотни маленьких окон, в каждом своя микро-драма: курьер не может попасть внутрь, сосед ругается с домофоном, кто-то забывает пакет на лавке и возвращается за ним через десять минут, уже злой на самого себя.

Ника любила последние полчаса смены за ясность. К этому времени весь поток «срочно-важно» превращался в очередность цифр и чек-листов. Она закрывала заявки, ставила галочки, отправляла отчёты, и из этого складывалась тонкая иллюзия контроля: если всё пронумеровано и занесено в систему, значит, ничего не выпадет.

Ирина из колл-центра, как обычно, жевала слова вместе с жвачкой и смотрела в экран так, будто там был другой воздух.

– Вероник, тут к тебе «видеоглазок», – сказала она и закатила глаза. – Шестой подъезд, шестьдесят четвёртый дом по Аэродромной. «Не работает, показывает чёрное, показывает... не то». Там прям... нервная.

Ника подняла взгляд на табло очереди. В нормальные дни такую заявку отложили бы на утро: сбой приложения, отвалился Wi-Fi, дедушка нажал не туда. Но слово «нервная» от Иры звучало как маркер, что в трубке был не обычный раздражённый человек, а тот, кто держит себя за горло, чтобы не сорваться.

– Соедини, – сказала Ника.

Наушники тихо щёлкнули, и в ухо вошёл чужой подъезд: сперва шорох, дыхание, далёкий телевизор, а потом женский голос, на удивление слишком спокойный, как если бы его заставляли идти по прямой.

– Алло? Это... сервис?

– Сервис. Ника, инженер. Слушаю вас.

Пауза длилась дольше, чем надо для вопроса. В такие секунды люди обычно решают, можно ли говорить вслух то, что уже увидели.

– У нас... – женщина выдохнула. – У нас глазок. Этот, с экраном. Он... работает. Но в записи... он показывает не наш коридор.

Ника почти улыбнулась, по привычке, которую научилась прятать. «Не наш коридор» могли сказать и про широкий угол обзора, и про ночной режим с инфракрасной подсветкой, где всё кажется чужим.

– Как вас зовут?

– Виктория. Квартира сорок семь. Шестой этаж. Я... я понимаю, что это звучит. Но там... там в записи есть дверь, которой нет.

Ника подалась вперёд. Фраза «дверь, которой нет» не относилась к категории не могу войти в приложение.

– Запись какая: прямой эфир или архив? Когда снято?

– Архив. Ночью. В три тридцать три. – Виктория произнесла цифры, точно они не имели права звучать вслух. – Я проснулась от уведомления. Посмотрела. И... я теперь не хочу открывать. Вообще.

За окнами диспетчерской уже темнело. Внутри всё было белое: лампы, стены, лица на экране. Ника услышала, как в соседнем окне кто-то хлопнул дверью машины, и звук, пройдя через динамик, стал тоньше, чем в жизни, мир слегка не совпадал с самим собой.

– Виктория, давайте по шагам, – вернулась Ника к звонку. – Глазок у вас какой модели? Подключение по Wi-Fi есть? В приложении сейчас картинка нормальная?

– Сейчас обычная. – В голосе уже чувствовалось раздражение, как у человека, которому не верят. – Днём он нормальный. Коридор короткий. Почтовые ящики слева. Лифт справа. Всё как всегда. А в ночной записи... он длиннее. Намного. И свет другой. И в конце... – она запнулась. – Там как будто кто-то стоит.

Ника перевела взгляд на Иру. Та, не слыша собеседницу, уже протягивала ей листок с адресом, но в лице Иры на секунду мелькнуло любопытство, как у человека, который слышит в чужом разговоре слово, которое не должно звучать в бытовом контексте.

– Вы сейчас одна? – поинтересовалась Ника.

– Да. Муж... мы... – Виктория глотнула. – Я одна. Но это не важно. Мне важно, чтобы это прекратилось. Я выключала, выдергивала. Он всё равно... он всё равно оставляет эти записи, будто ему... будто ему не нужно питание.

Ника отметила про себя: «Выдергивала». Значит, не истерика на ровном месте. Получается, человек уже трогал устройство руками, лазил в провод, пытался отключить.

– Хорошо, – произнесла она. – Я могу подъехать сегодня. Сейчас. Если вы дома и готовы пустить.

На другом конце трубки выдохнули так, будто разрешили себе не держать лёгкие в кулак.

– Да. Пожалуйста. Я... я буду ждать. Только... вы когда подойдёте, не стойте напротив двери. Я не шучу.

Ника не ответила сразу. Она знала это опасение в разных вариациях, от инструкций по безопасности до суеверий, простое правило, что к чужой двери не встают у упор, особенно ночью, но сейчас оно прозвучало не как страх перед человеком за дверью. Скорее как ужас перед самой дверью.

– Я поняла, – сказала она наконец. – Я буду через сорок минут.

– Спасибо.

Связь оборвалась, и в наушниках снова остался только офис: шелест бумаги, щёлканье мыши, ровный гул серверного шкафа, где маленькие вентиляторы крутили воздух, не делая его чище.

Ира подняла брови.

– «Дверь, которой нет»? – повторила она, растягивая слова.

– Обычная истерия тоже умеет звучать иначе, – ответила Ника, хотя сама не была уверена, что произнесла правду.

Она закрыла ноутбук, взяла сумку с инструментами. Внутри звякнул металл: отвёртки, тестер, запасной модуль питания, пара новых прокладок под глазок. Эти звуки всегда успокаивали: у каждой вещи была функция и объяснимое место в мире.

Когда она вышла на улицу, холод ударил в лицо сразу и без разговоров. Ноябрьский воздух был мокрым, тяжёлым; он пах не снегом, а водой, которая ещё не решила, нужно ли ей падать или стоять в лужах. На остановке люди стояли плотной кучкой, словно им было стыдно за свои пальто, пакеты, за то, что всем нужно куда-то ехать.

Ника поймала маршрутку, втиснулась между чужими плечами, и всю дорогу смотрела на своё отражение в чёрном стекле, не чтобы любоваться, а проверить: лицо на месте, выражение привычное. Усталость в нём сидела, как мелкая трещина на пластике: с виду ничего, но если знать, где смотреть, заметишь.

В сумке завибрировал телефон. Уведомление из их сервисного приложения: «Заявка #12486. Аэродромная 64, подъезд 6, кв. 47. Тип: видеоглазок/камера. Жалоба: некорректное видео в архиве». Под словом «некорректное» обычно пряталось всё: от размытости до фантазий. Ника нажала «в пути» и убрала телефон, не открывая подробностей.

Дом на Аэродромной был из тех, что построены на уверенности, что все люди одинаковы по ширине и по нуждам. Серый панельный прямоугольник, много подъездов, одинаковые балконы, как коробки, прикрученные к фасаду. Двор – тёмная каша из мокрого асфальта и неубранных листьев. Детская площадка скрипела на ветру, хотя на ней никого не было; звук был не громкий, но настойчивый, будто дом пытался вспомнить детство.

Подъезд №6 нашёлся по цифре, которую кто-то обновлял маркером поверх старой краски. Дверь с домофоном блестела от дождя и от пальцев. Ника набрала код, который прислала Ира, и в ответ услышала скрежет, точно замок не открывали годами и он обижен.

Внутри подъезд встретил запахом, который невозможно придумать, если не жил в таком доме. Он был составлен из влажной бетонной пыли, из старой масляной краски, из чего-то кислого, похожего на выдох мусоропровода, и из свежего хлора, как после слишком усердной уборки, когда моющее средство ещё не успело стать просто чистотой. Этот букет держался на уровне груди, цеплялся за шарф, за волосы.

Лампа под потолком горела рывками, ещё не решив, стоит ли тратить на этот подъезд свои силы. В мерцании всё выглядело более угловатым: плитка на полу, почтовые ящики, объявления на стенде. Ника прошла мимо рядов ящиков и автоматически отметила: щели заклеены скотчем, на одном висела наклейка «не кидать рекламу», на другом следы от того, что его вскрывали. Чужие жизни тоже оставляют на металле свой рельеф.

На стенде висела свежая распечатка: «ЧАТ ДОМА. Вступайте. Вопросы УК, соседи, объявления». Под текстом крупный QR-код, обведённый фломастером сердечком. Ниже кто-то дописал ручкой: «НЕ СКАНИРУЙТЕ! Мошенники!». Бумага слегка размокла по краям, даже влажность не доверяла этому приглашению.

Ника задержалась у объявления на секунду. В их работе цифровое всегда было рядом с физическим и почти всегда материальное проигрывало. Но люди легче верили листку на стене, чем приложению. Впрочем, листок тоже мог вести куда угодно.

Из глубины холла донеслось кашлянье, затем шарканье. Из-за стола, поставленного у окна, поднялась женщина в тёплой кофте, с волосами, собранными так туго, будто это было частью дисциплины. На столе стоял чайник, кружка, стопка журналов. Камеры на маленьком экране перед ней были выключены: чёрный прямоугольник, отражающий лампу.

– Вы к кому? – спросила женщина. В голосе не было враждебности, но было то, что чувствуется у людей, которые много лет смотрят на входную дверь: привычка замечать всё.

– Я из сервиса, – ответила Ника и показала бейдж. – По заявке на видеоглазок. Квартира сорок семь.

Женщина прищурилась, словно сверяла Нику с внутренним списком разрешённых лиц.

– Это к Вике, – тут же заметила она, и в этом «Вике» прозвучало одновременно сочувствие и лёгкая усталость. – Я Тамара Ивановна. Записывайтесь.

Она придвинула тетрадь, где аккуратным почерком были выведены даты и фамилии. Ника написала своё имя, номер телефона, время.

Тамара Ивановна смотрела, как движется ручка.

– Опять глазок, – произнесла она негромко. – Сколько этих глазков понаставили... Всё, чтоб, значит, безопасно. А стало... – она замолчала, подбирая слово.

– Оказалось что? – поинтересовалась Ника.

Тамара Ивановна подняла глаза. В них было то самое, что редко видишь у людей, которые говорят «я не верю ни во что»: осторожность не перед мистикой, а перед оглаской.

– Стало слишком видно, – отреагировала она наконец. – Раньше люди просто посмотрели в глазок и всё. А сейчас эти экраны, приложения, программы, сидят ночами, листают, как ленту. Что там вообще смотреть. И чем больше листают, тем больше... находят.

Она произнесла «находят» так, будто речь, например, шла не о потерянных ключах, а чем-то таком, что совершенно быть не может и точка.

Ника почувствовала, как внутри поднимается профессиональное раздражение: суеверия в их деле мешали хуже, чем плохой интернет.

– Видеоглазки работают нормально, если ими правильно пользоваться, – объяснила она, стараясь, чтобы голос остался мягким. – Чаще всего люди путают ночной режим, отражения, сжатие. Я разберусь.

Тамара Ивановна не спорила. Она лишь посмотрела на чёрный экран камер перед собой и Ника заметила, что женщина держит в руке пульт так, будто он мог в любой момент понадобиться, но пальцы не знают ни одной кнопки.

– Вам на шестой, – указала Тамара Ивановна. – Лифт... он у нас капризный. Если застрянете, то не паникуйте, кричите. Я услышу.

– Спасибо.

Ника пошла к лифту. Двери были облуплены, и под краской проступал металл, тусклый, как старое зеркало. Она нажала кнопку. Лифт подумал, где-то внутри лязгнул, и двери разошлись со вздохом.

Внутри пахло железом, табаком и дешёвым освежителем. На стене зеркало, всё в царапинах, на полу резиновый коврик с засохшими пятнами. Кнопки блестели от тысяч прикосновений. Ника нажала «б». Лифт дернулся и пошёл вверх, словно его тянули на верёвке.

На втором этаже он остановился без причины, не открывая двери, просто задержался, как человек, который забыл, зачем вышел из комнаты. Затем поехал дальше.

Ника задумалась. В подъезде всегда были звуки, которые не замечаешь, пока не останешься один: далёкий телевизор, вода в трубах, чей-то кашель за стеной. Сейчас ещё и сухой удар и шуршание, будто по металлической трубе вниз полетело что-то тяжёлое. Мусоропровод. Звук был коротким, но в лифтовой шахте он раскатился так, будто кто-то бросил вниз не пакет, а пустоту.

Лифт остановился на шестом. Двери открылись, и на площадку вылился свет: жёлтый, слабый, с тенью от лампы, которая подмигивала, не решаясь выключиться. Коридор был действительно короткий: четыре двери, мусоропровод с круглой крышечкой, лифтовые двери, окно в торце, запотевшее изнутри.

«Короткий», – подумала Ника и сразу поймала себя на мысли: именно это слово сказала Виктория. Как будто длина коридора была не характеристикой пространства, а чем-то, что можно потерять.

Дверь 47-й была обита тёмной дерматиновой обивкой, на которой внизу виднелись следы когтей или ключей. Рядом коврик, на нём песок и мелкие камешки. Ника встала чуть сбоку, как просили, и позвонила.

Шаги внутри. Замок щёлкнул дважды. Дверь приоткрылась на цепочку.

В проёме показалась Виктория, женщина лет тридцати восьми, в домашнем свитере, волосы собраны небрежно, но взгляд собран слишком тщательно. Глаза у неё были красные, будто она не плакала, а долго смотрела в яркий экран в темноте.

– Вы... Ника? – спросила она, хотя бейдж был виден.

– Да.

Цепочка дрогнула, потом снялась. Виктория отступила, пропуская.

Квартира пахла теплом и чем-то сладким, как от недавно сваренного компота или детского шампуня. Запах жилой, успокаивающий. Он резко контрастировал с подъездной сыростью и хлоркой, прилипшей к одежде.

– Проходите, – сказала Виктория. – Снимайте обувь... хотя... всё равно.

Она сказала это так, будто грязь была меньшей из проблем.

Ника прошла в прихожую. На тумбочке ключи, зарядка, детская резинка для волос. Детских игрушек не было видно, но резинка говорила: здесь когда-то бегал маленький человек, и его присутствие было оставлено в мелочах.

– Глазок вот, – Виктория указала на входную дверь. На внутренней стороне, на уровне глаз, был встроен экран – чёрный прямоугольник в рамке. Рядом маленькая кнопка. – Я его трогать боюсь. Но он сам... он сам включается.

– Он включается по датчику движения или по нажатию, – пояснила Ника. – У вас стоит уведомление на движение?

– Стоит. И теперь я... – Виктория замолчала, но Ника и так увидела: женщина жила в ожидании вибрации телефона.

Ника достала из сумки маленький планшет, включила его, подключилась к сервисной сети.

– Ваш аккаунт где? На телефоне?

Виктория быстро достала смартфон. Руки у неё дрожали не сильно, но дрожь была постоянная, как мелкая вибрация от работающего двигателя.

– Вот. Приложение. Я... я вам дам.

Ника проверила: сеть Wi-Fi ловит нормально, уровень сигнала устойчивый. В настройках устройства время синхронизируется автоматически. Батарея в порядке, питание от сети, всё как по инструкции.

– Покажите запись, – попросила Ника.

Виктория открыла архив. Список клипов выглядел как обычно: «движение», «движение», «движение», короткие фрагменты по десять-двенадцать секунд, снятые днём, где мелькали пакеты, спины соседей, иногда чей-то кот.

Один клип был отмечен значком ночной съёмки. Время: 03:33.

Виктория нажала на него и тут же отдёрнула палец, словно большую часть тела могла зацепить не картинка, а сам жест.

Экран вспыхнул. Картинка была чёрно-белой, как все ночные режимы: инфракрасный свет делает стены слишком гладкими, тени слишком плотными. Сначала Ника увидела знакомый коридор: дверь напротив, мусоропровод, лифт.

Потом она ощутила странность не умом, а глазами. Перспектива шла дальше, чем должна. В кадре было больше пространства, не шире, а именно глубже. Казалось, что линза не расширила угол, а вытянула коридор в длину. Там, где в реальности было окно, в видео тянулся ещё один пролёт... совершенно точно ещё один. Свет в дальнем конце был не от их лампы: он был слишком гладкий, без привычного мерцания, и от этого казался холоднее.

В середине кадра стояла тень. Человек. Он не двигался. Он занимал мало места, так как был далеко. Но именно неподвижность делала его заметным. В ночных записях люди всегда шевелятся: рука к домофону, пакет, шаг. Здесь тень стояла так, будто её поставили целенаправленно.

Виктория судорожно вдохнула.

– Видите? – прошептала она.

Ника не ответила. Она смотрела на тень и пыталась разложить её на объяснения: шум матрицы, артефакт, отражение, ошибка сжатия. Но у артефактов есть своя вязкость, своя цифровая природа. Эта тень была слишком цельной.

На шестой секунде видео в дальнем конце коридора зажёгся маленький огонёк, простая точка света, как, например, от экрана телефона. Он осветил часть стены. И Ника увидела там дверь.

Она стояла в торце, где должно было быть окно. Дверь была обычная, металлическая, со светлым наличником. На ней цифры.

Камера не показывала их чётко, но Ника всё равно прочитала: 47.

На девятой секунде тень чуть сдвинулась. Не шагнула, слегка сместилась в кадре, словно кто-то чуть повернул голову. Огонёк телефона погас.

На одиннадцатой секунде ручка на двери 47 в дальнем торце дёрнулась вниз. Тихо, почти нежно, движение не злое, а проверяющее. Как убеждаются, закрыто ли.

Клип оборвался. Экран вернулся к списку, и обычный дневной мир – цветные значки, белый фон – оказался почти оскорбительным.

Кожа на предплечьях покрылась мелкими мурашками, быстрыми и холодными. Так бывает, когда в знакомой мелодии внезапно звучит неверная нота: тело реагирует раньше, чем мысль успевает придумать объяснение.

– Может, это... – начала она автоматически, но Виктория перебила.

– Я тоже думала «может». Я пересмотрела раз десять. Я сделала скрин. Я... – её голос сорвался. – У нас окно в торце на шестом, понимаете? Я его вижу каждый день. Там конец площадки. А здесь дверь. И номер мой. И ручка... как будто... как будто это не запись, а... – она зажала рот ладонью, чтобы не сказать лишнее.

Ника взяла телефон Виктории, приблизила кадр на стоп-кадре. Цифры «47» расплывались, но их узнаваемость была слишком очевидна: мозг цепляется за форму и не отпускает. Она промотала назад и снова запустила клип.

На втором просмотре тень в середине коридора показалась другой. Ника не смогла бы описать, что именно изменилось. Но определённо поменялось. Возможно, это просто внимание достроило детали. А может быть и нет.

Она остановила на шестой секунде, там, где вспыхивал экран телефона. Увеличила. На мгновение свет подсветил стену, и в этом свете показалась не дверь, а участок пола, будто покрытый чем-то.

Коврик.

Половик, похожий на тот, что лежал сейчас под ногами у Виктории: серый, с потёртым рисунком.

Ника подняла взгляд на реальный коврик. Потом обратно на экран.

– Вы говорили, что выдёргивали питание? – вспомнила она.

– Да. Я... я выдернула этот провод, – Виктория ткнула пальцем на тонкий шнур, уходящий в короб. – И он всё равно... утром открылся, как ни в чём не бывало. Я думала, может, батарейка. Но там нет батарейки. Он от сети.

Ника присела, открыла небольшую крышку, проверила соединения. Всё было на месте. Никаких скрытых аккумуляторов.

– Смотрите, – предложила она. – Сейчас я выключу питание полностью. И мы посмотрим, что будет.

Она выключила автомат на маленьком щитке в прихожей, где были подписаны линии. Экран глазка погас. Тишина стала гуще, будто убрали фоновый звук.

Виктория стояла рядом, сцепив пальцы так, что костяшки побелели.

– А если... – начала она.

Ника вернула автомат. Экран снова загорелся.

– Устройство работает, – сказала Ника. – Питание есть. Видеосигнал идёт. Проблема в архиве. Возможно, серверная часть. Я сейчас сделаю диагностику и выгружу лог.

Она подключилась к устройству через сервисный режим. В логе было всё стандартно: движение обнаружено, запись сохранена, отправка в облако. Ника прокрутила дальше и увидела странный пункт: «камера: поворот 180°».

Она моргнула.

– У вас камера поворотная? – спросила она, уже зная ответ.

– Нет, – сказала Виктория быстро. – Она в глазке. Там нечему поворачиваться.

Ника снова посмотрела на лог. «Поворот 180°» стоял ровно в 03:33. Как команда. Как действие.

Она открыла параметры устройства. Там не было функции поворота. Обычный глазок, фиксированный.

В груди раскрылась пустота, холодная, как глубокий колодец. В голове щёлкнуло сухо и ясно: система записала действие, которого физически не может быть.

– Мне нужно посмотреть на площадке, – задумчиво произнесла она. – Вы не против, если я выйду и проверю расстояния, свет, всё?

Виктория мгновенно кивнула, но в этом движении было желание не «проверить», а «убедиться, что это не я схожу с ума».

Ника взяла с собой планшет и вышла. В подъезде было тише, чем обычно. Лампа всё так же подмигивала. Коридор был коротким. Окно в торце запотело и показывало только размытый двор.

Она прошла до окна. Стена под ним была испачкана, как всегда: следы обуви, потёртости, чужие отпечатки. Ника провела пальцем по подоконнику: пыль и холодная влага. Никаких дверей.

Она вернулась к лифту, посмотрела на мусоропровод. Крышка была закрыта. На ней пятна, как от ладоней. Под ней пахло кислым и старым. В такие моменты понимаешь, что дом – это не только квартиры; это ещё и общая труба, куда сбрасывают не только мусор, но и привычку не думать.

Ника встала на то место, где по видео должна была быть тень, примерно в середине площадки. И поняла, что место совпадает с линией взгляда камеры. Видеоглазок смотрит сюда. Любой, кто стоит здесь, оказывается в центре кадра. Именно здесь люди обычно ждут лифт или ищут ключи.

Она подняла глаза на двери соседей. На одной табличка «48». На другой «46». Всё правильно. Всё совпадает.

Ника вернулась в квартиру. Виктория встретила её взглядом, в котором был немой вопрос: «есть ли объяснение, с которым можно жить?».

– Физически ничего нет, – сказала Ника. – Это запись. Это... – она замолчала, потому что «глюк» звучало слишком дёшево, а другого слова у неё пока не было. – Я выгружу клип на наш сервер, чтобы посмотреть метаданные. И сделаю запрос разработчикам по логу.

Она достала свой телефон, подключилась к устройству как сервисный аккаунт, скачала ночной клип себе. Файл был маленький, всего двенадцать секунд в чёрно-белом, ничто.

Но когда он оказался в её памяти, Ника ощутила это почти физически, как будто положила в карман холодный камень.

– Вам... – начала Виктория и остановилась. – Вы же... вы видели. Скажите честно: это может быть человек? Кто-то мог... сделать дверь? Или... – она не договорила «или что-то другое».

Ника посмотрела на неё. На тонкую линию губ, на красные глаза, на руки, которым некуда деть тревогу.

– Человек не может сделать дверь за одну ночь, – сообщила Ника. – Но человек может... много чего сделать, чтобы напугать. И запись может исказить пространство. Я не хочу вас обманывать: я не знаю, почему это так выглядит. Но я разберусь. И если вам страшно, ставьте на ночь цепочку и не открывайте незнакомым. И... – она не хотела звучать как Тамара Ивановна, но слова сами нашли форму. – И не пересматривайте это бесконечно. От этого легче не станет.

Виктория кивнула, но Ника видела: она уже пересматривала. И ещё будет. Потому что страх всегда требует подтверждения. Он не верит первому взгляду; ему нужен повтор, чтобы стать настоящим.

Ника собралась, записала контакт Виктории, оставила отметку в заявке. На выходе Виктория вдруг сказала:

– Тамара Ивановна... она вам что-то сказала?

– Сказала, что все слишком много смотрят.

Виктория горько усмехнулась.

– Она сама всю жизнь наблюдает. Только теперь выключила. – Виктория замолчала, затем добавила совсем тихо: – А я выключить не могу.

Ника не нашла ответа. Она вышла на площадку, спустилась на лифте вниз. На первом этаже Тамара Ивановна подняла на неё глаза – ждала не отчёта, а сигнала.

– Ну? – спросила она.

Ника хотела сказать «серверный сбой». Подумала упомянуть «метаданные». Любыми средствами вытащить из ситуации привычную техническую оболочку. Но слова застряли, потому что в памяти стояла рука, которая дёрнула ручку двери в конце коридора, где не должно быть ничего.

– В архиве странная запись, – в итоге собралась с мыслями Ника. – Я забрала файл. Разберёмся.

Тамара Ивановна кивнула слишком быстро.

– Забрали... – повторила она. – Теперь у вас тоже будет.

– Что будет?

Тамара Ивановна не ответила. Она посмотрела на стенд с объявлениями, на QR-код чата, на чёрный экран камер. Потом опустила взгляд на тетрадь, где Ника расписалась.

– Дом любит, когда его смотрят, – сказала она почти беззвучно. – Только не так, как люди думают.

Ника вышла на улицу. Двор встретил её темнотой, мокрым асфальтом, редкими фонарями. Она вдохнула холодный воздух, пытаясь сбросить подъездный запах, но он держался на одежде, как метка.

Телефон завибрировал в кармане. Ника автоматически достала его, ожидая сообщения от Иры или очередной заявки.

Уведомление было от сервиса видеоглазка Виктории: «Движение у двери. 03:33».

Ника подняла взгляд на небо. Фонари показывали, что сейчас было около девяти вечера. До трёх тридцати трёх оставалось шесть часов.

Она снова посмотрела на экран. Уведомление не исчезало. Под ним лишь кнопка «посмотреть».

Ника нажала.

Открылся новый клип в архиве. Ночной. Чёрно-белый. Двенадцать секунд.

Время: 03:33. Дата уже завтрашняя.

На первой секунде камера показывала площадку шестого этажа, ту же, что Ника видела минуту назад. Только коридор уже был длиннее: за окном в торце начиналась тень, условно там снова был проход.

На третьей секунде в кадр вошла Ника.

Это было не похоже на запись, где человек мелькает и уходит. Камера поймала её чётко, как будто знала, куда смотреть. Ника на видео шла медленно, тяжело, с опущенной головой. В руке у неё была сумка с инструментами.

В реальности сумка висела на её плече. Тяжёлая. Тёплая от тела.

На шестой секунде Ника на видео остановилась у двери 47-й, повернулась чуть в сторону глазка и подняла голову. Лицо было бледным в инфракрасном, вместо глаз тёмные провалы. Она смотрела прямо в камеру.

На девятой секунде за её спиной – в самом конце коридора, где должна была быть стена – была дверь. Та самая. С номером 47.

Ручка на ней опустилась.

На одиннадцатой секунде дверь открылась внутрь, не в квартиру, а в длинный тёмный коридор, которого не существовало в этом доме.

Ника на видео сделала шаг вперёд.

Клип оборвался.

Ника стояла на мокром асфальте и чувствовала, как холод пробирается под воротник. Внутри всё замерло, словно кто-то убрал звук из мира. Организм отмерял вдохи, решая, можно ли продолжать.

Телефон снова завибрировал. Новое уведомление: «Обновление архива...».

Ника подняла голову на окна шестого этажа. Где-то там, за стеклом, была Виктория. А там – короткий коридор с окном в торце. И... запись, которая утверждала, что завтра в 03:33 Ника войдёт в дверь, которой нет.

Она медленно убрала телефон, словно от этого могло измениться содержимое.

И только когда вновь вернулась к подъездной двери, услышала за спиной короткий сухой звук – щелчок замка, похожий на тот, что бывает, когда кто-то проверяет ручку.

В этом дворе, среди мокрых листьев и молчащих окон, звук прозвучал так, будто он был не из подъезда.

Он был изнутри.

Глава 2. Двенадцать секунд

Ника не сразу двинулась от подъезда. Двор был мокрым и чёрным, фонари держались на редких жёлтых пятнах, а между ними лежала густая тьма, в которой всё казалось ближе, чем есть. У подъездной двери собирался холод и по ощущениям он был не тот, что приходит с улицы, а тот, что выдувает изнутри дома: сырой, лестничный, с привкусом железа и старой краски. Она стояла, прижимая телефон к ладони, и не могла решить, куда деть руки: в карманы или вниз, в воздух, где пальцы всё равно тянулись к экрану.

На экране уже не было двора. Там снова была площадка шестого этажа, чёрно-белая, подсвеченная инфракрасным, слишком гладкая: подъезд выглядел вылизанным до стерильности. Двенадцать секунд. И её собственная фигура – на третьей секунде – шла к двери с номером сорок семь.

Это было худшее из всех возможных совпадений: не чужой силуэт, не тень у лифта, а ты сама, снятая камерой, которой ты не принадлежишь, в доме, где ты сейчас не находишься. Холод не поднялся по коже; он опустился внутрь, к позвоночнику, и там задержался.

Она нажала «пауза» и увидела себя в стоп-кадре. Сумка на плече. Голова чуть опущена. Походка не её обычная, в кадре она двигалась осторожнее, чем в жизни; шаги ложились мягко, но без уверенности. Ника знала собственные привычки так же хорошо, как свои пароли: это отличало её от людей, которые считают, что «я себя не узнаю на видео». Здесь она узнавала. И от этого становилось тесно.

Телефон показал дату: завтра. Время: 03:33.

Ника ткнула в системные настройки: быстро, резко, как хирург в поисках источника крови. Дата и время стояли правильные. Сеть. Автосинхронизация. Ника проверила ещё раз, не из суеверия, просто профессиональная привычка. Ошибка в часах объясняет многое. Но не это: в клипе было лицо, походка, сумка, и номер двери в конце невозможного коридора.

Она подняла голову и посмотрела на окна шестого этажа. Там, за стеклом, горел один квадрат света: чей-то ночник или телевизор. Остальные окна были тёмные, одни отражали двор, другие – ничего. Ни один квадрат не говорил: «внутри человек ждёт».

Ника убрала телефон в карман, но ощущение экрана осталось, как след от яркого света на сетчатке. Она сделала шаг от подъезда. И вновь сразу услышала за спиной тот самый сухой щелчок, который заметила минуту назад: звук, похожий на проверку ручки.

Она остановилась. Не обернулась сразу. Взгляд упёрся в мокрый асфальт и чужие следы – где-то отпечаток шины, где-то подковка ботинка, где-то тонкая полоска от пакета, который волокли по земле. Дом за спиной стоял тяжёлый, безмолвный, и её собственное дыхание звучало слишком громко.

Щелчок повторился. Потом... опять безмолвие.

Ника обернулась.

Дверь подъезда была закрыта. Домофон мигал слабой точкой. Никого в проёме. Ни силуэтов, ни движения. Только на стекле у входа остались разводы от дождя и рук, и эти линии, пока она смотрела, складывались в узоры, которые мозг пытался прочитать как лица.

Она пошла к остановке.

Пока шла, телефон в кармане дважды вибрировал. Оба раза одинаково коротко, методично, без обрывов: так вибрируют уведомления, которые не требуют ответа, но требуют внимания. Она не доставала. Не сейчас. Любое движение к экрану превращало клип в повтор, а повтор... в привычку.

Маршрутка пришла поздно, как всё в конце дня. Внутри пахло мокрой одеждой и дешёвым освежителем, который лип к воздуху. Ника села у окна и смотрела на город, на его раз-

мазаные вывески и чёрные деревья. В стекле отражалось её лицо – усталое, собранное. Лицо человека, который должен понять, что произошло, и объяснить это другим.

Она достала телефон только у светофора, когда маршрутка остановилась и в салоне стало слышно чужое дыхание.

Два новых уведомления, оба от устройства Виктории. Оба с одним и тем же временем: 03:33. Одно – «Движение». Второе – «Обновление архива».

Ника набрала Иру не по рабочей необходимости, а потому что одиночество в таких вещах опаснее самой вещи.

– Ты уже дома? – спросила Ира вместо приветствия. У неё на фоне звенела посуда, кто-то смеялся в телевизоре. В чужой нормальности была обида.

– В пути. Слушай... я сейчас скину тебе файл. Только не открывай при людях.

– Ого. Страшилки? – Ира хмыкнула. – Давай, кидай. Я уже поела, меня не возьмишь.

Ника отправила видео в мессенджер, выбрав самый простой путь: файл как файл. Удобство всегда выигрывает у осторожности – именно так зло попадает в дом, не ломая двери.

– Открыла, – сказала Ира через пару секунд. Её голос заметно потяжелел. – Чёрно-белое... это ночной режим. Норм.

– Досмотри.

– Досмотрела. – её голос напрягся. – Подожди. Это... шестой же этаж? У них окно в торце. А здесь... нет окна.

– Да.

– И... дверь. Номер... – Ира замолчала, не договорив цифры. Её смех в трубке оборвался – сухо, мгновенно.

– Время посмотри, – выговорила Ника, пытаясь не выдать страх.

– Три тридцать три. – Ира выговорила медленно. – И дата... завтра.

– У меня тоже. Я проверила системные настройки.

– Может, в приложении часовой пояс? Китайцы любят. – Ира попыталась вернуть голос в привычную иронию. – Или у неё на роутере время сбито.

– Уведомление пришло мне сейчас, – пояснила Ника. – С завтрашней датой.

– Ага. – Ира помолчала. – Ника, это монтаж?

– Я была в их квартире полчаса назад. Я скачала архив напрямую с устройства. У неё нет ни сына-режиссёра, ни желания играть. Она... она реально боится открыть дверь.

– Ну и мы починим, – Ира сказала это слишком громко, как заклинание. – Мы же не про призраков.

– Я тоже не про них.

– Тогда про что?

Ника не ответила сразу. Маршрутка дернулась, и её качнуло и вместе с ней дёрнулось и слово, которое она искала.

– Про ошибку, у которой нет механизма, – произнесла она наконец. – Ира, ты можешь... в общем, пересмотри ещё раз. Только внимательно. На девятой секунде.

– Уже смотрю.

Молчание тянулось. Ника слышала, как у Иры на фоне исчезли домашние звуки; остался только сухой шум связи и чьё-то далёкое дыхание.

– Ника... – удивлённо отметила Ира. – Там... когда она к камере поворачивается... у неё в руке... у неё не сумка.

Ника остановилась в середине салона, не замечая, что на неё смотрят.

– Что значит «не сумка»?

– Там что-то длинное. Не ремень. Не ручка. На секунду.

Ника открыла клип у себя и промотала до момента. Её фигура на видео шла, держа сумку на плече. Всё, как она видела. Ника поднесла телефон ближе, увеличила. Сжатие съело

детали. На девятой секунде рука действительно выглядела странно: тёмная полоска, уходящая вниз, ближе к полу.

– Это ремень, – сказала Ника и сама услышала, как неуверенно прозвучало.

– Смотри ещё, – добавила Ира. – Я клянусь, там было иначе. Я... я видела.

Повтор. Вторая петля.

Ника пересмотрела клип ещё раз, уже не как инженер, а как человек, который пытается поймать в мутной воде живую рыбу.

На девятой секунде тёмная полоска исчезла. Рука была пустая. Сумка висела на плече, как должна. Ника замерла.

– Ира, – медленно произнесла она. – Ты уверена, что ты не... не додумала?

– Я не дура, Ника. – Ира почти шептала. – Это была палка. Или... что-то похожее. И сейчас... нет.

Ника молчала. В салоне кто-то кашлянул, кто-то пролистал ленту новостей, свет от чужого экрана вырезал из темноты чужие пальцы. Мир продолжал жить, не спрашивая.

– Не смотри больше, – уверенно бросила она ей, но на секунду показалось, что голос прозвучал обращением не к Ире, а к собственному телефону. – Seriously. Забудь. Удали.

– Удалить... – Ира фыркнула, но без смеха. – Хорошо. Я удалю. Только... Ника, ты же завтра туда поедешь? На проверку?

– Я поеду утром. Не ночью.

– Правильно. Ночью пусть... – Ира не закончила фразу.

Они попрощались слишком быстро, обе не желая оставаться с тишиной после разговора, когда не можешь подобрать слов. Пустота в подобных ситуациях начинает работать как продолжение.

Ника ехала и думала о ремне, о полоске, о том, что на одном просмотре было нечто, но на другом исчезло. В голове всплыло слово «артефакт», но оно не подходило. Артефакты в цифровом видео ведут себя предсказуемо: квадратятся, полосуют, плывут. Они не исчезают выборочно у одного зрителя и появляются у другого.

Хотелось спрятаться за сравнением, но оно только размывало смысл. Здесь было простое: ты смотришь и видишь не одно и то же.

Когда она вышла у своего дома, город был уже другой – поздний, с редкими прохожими, с огнями в витринах, которые светят в пустоту. Её подъезд встретил обычным запахом: мокрый коврик у входа, табак от кого-то, кто курит на лестнице, тёплая пыль батарей. Ника почти обрадовалась этой привычности, но радость оказалась короткой: под привычным слоем она уловила подъездный холод с Аэродромной, прилипший к одежде.

В лифте пахло металлом и старой смазкой; где-то в углу ощущался кошачий след, скорее не запах, а память о нём. Ника поднялась на свой этаж, открыла дверь. В квартире было тихо. Тишина здесь была домашней: не давящей, а мягкой, с дальним шумом холодильника и щелчками системы отопления.

Она включила свет на кухне, поставила чайник. Это движение было продиктовано не желанием поскорее выпить бодрящий напиток, просто сейчас чайник шумит и делает пространство плотнее, вызывая ощущение хоть какого-то постороннего присутствия. Тишина, если её не разбавить, превращается в комнату, где легко увидеть лишнее.

Телефон лежал на столе экраном вниз. Она не переворачивала его минуту, две, три. Смотрела на белую стену, на чайник, на кружку. Обычные предметы. Их сила была в равнодушии.

Потом всё же перевернула.

Новых уведомлений стало больше: пять. Время в каждом одно и то же: 03:33. «Движение». «Обновление архива». «Найдена активность». «Новый клип».

Она открыла приложение. Лента архива Виктории заполнялась, как счётчик, который не умеет остановиться. Все записи начинались с одной меткой времени. Ника открыла самый свежий клип.

Площадка. Ночной режим. Коридор длиннее реального: окно не в торце, а где-то дальше, отодвинуто, смещено. В дальнем конце снова была дверь. Цифры на ней сейчас виднелись лучше, чем днём: 47. Перед дверью она заметила тень. На этот раз ближе к камере, чем раньше. Ника уловила в фигуре деталь: плечи. Человеческие. Обычные. От этого становилось хуже: нечеловеческое страшнее в сказках, человеческое там, где привычно, например, в подъезде.

Клип был без звука, так часто делают недорогие устройства, чтобы экономить. Тишина видео давила сильнее любого шороха: мозг сам дорисовывает звуки, а воображаемое всегда точнее для страха.

Ника закрыла клип и открыла настройки устройства. Отключить уведомления. Отключить детекцию. Поставить расписание. Она переключала тумблеры быстро. Привычка инженера: если что-то пугает, лиши его питания.

Настройки приняли изменения. На экране появилась зелёная галочка: «Сохранено».

Через секунду пришло уведомление: «Движение. 03:33».

Ника не ругалась. Она просто замерла, как человек, который видит, что дверь, запертая на ключ, открылась без звука.

Она вошла в сервисный раздел, где показывались системные события. Там снова была строка, которая не имела права существовать в устройстве видеоглазке: «поворот камеры 180°». И рядом появилась ещё одна, новая: «зеркальное отражение: включено».

Ника подняла взгляд на своё отражение в чёрном экране микроволновки. Оно было обычным: лицо, волосы, свет. Она смотрела на себя и пыталась понять, что значит «зеркальное отражение» в контексте подъезда.

Она перенесла файл на ноутбук и открыла в нормальном видеоплеере. Прокрутила кадры по одному. На третьей секунде в клипе, где она идёт к двери, её лицо не просто поворачивается к камере, оно застывает на долю мгновения, и в этом застылом выражении есть что-то чужое: слишком пустое. Ника увеличила изображение. Сжатие превращало кожу в пятна. Но в глазах отражался свет – маленький, квадратный. Экран телефона, который держит камера? Нет. Камера не держит телефон, детализации изображения не хватает для таких устройств.

Её собственный телефон лежал на столе и светился уведомлениями.

Ника закрыла ноутбук резко, как закрывают крышку ящика, где лежит не инструмент, а что-то живое.

Она написала Виктории короткое сообщение: «Я вижу, что архив продолжает обновляться. Дверь не открывайте. Если кто-то стучит, не отвечайте. Утром приеду. Вы в порядке?»

Ответа не было.

Ника отправила файл на внутренний сервер компании – туда, где хранили проблемные клипы для анализа. В сопроводительном письме она написала сухо, профессионально, как учат: «Некорректная перспектива, ошибочная временная метка, в логах команды, не поддерживаемые моделью устройства. Прошу проверить серверный модуль и прошивку».

Отправила и почувствовала странную вину: словно передала не видео, а инфекцию.

Чайник выкипел и щёлкнул. Ника налила воды в кружку, не заварив ничего, просто чтобы занять руки. Вода была горячая и безвкусная. В ней не было успокоения, но было тепло.

Телефон снова вибрировал. Снова 03:33. Снова «новый клип».

Ника поймала себя на мысли: устройство держало её на поводке одним и тем же временем. Не «сейчас». Не «сегодня». Один час, одна минута, одна точка, вокруг которой всё вращается.

Она открыла ленту ещё раз. Клип опять новый. Но картинка отличалась: в этот раз на площадке, ближе к камере, на полу лежало что-то светлое. Квадрат. Бумага? Пакет?

Ника увеличила. Это был лист А4 с чёрным пятном в центре. Кусок распечатки. QR-код. Она сразу вспомнила стенд в подъезде: «ЧАТ ДОМА. Вступайте». Тот же формат. Та же угрожающая будничность.

Клип закончился на том, что тень в дальнем конце коридора нагнулась и подняла лист. В этот момент на видео была видна рука – вполне человеческая, с длинными пальцами. Лист исчез из кадра, и тень снова выпрямилась. Дверь 47 за спиной тени приоткрылась чуть шире.

Ника закрыла видео и поймала себя на том, что в кухне стало холоднее. Батарея работала. Окно закрыто. Холод пришёл изнутри, из мысли о том, что лист с QR-кодом оказался там не случайно. Нечто строило мостики, искало зрителей.

Она открыла мессенджер и набрала в поиске: «Аэродромная 64».

Сначала вышли объявления о сдаче квартир, потом пара бесполезных каналов. Затем – группа с названием «АЭРОДРОМНАЯ 64 / ДОМОВОЙ ЧАТ». Аватарка – фото подъезда. Участников: 184. Под названием висела приписка: «Вопросы УК, соседи, объявления».

Ника нажала «вступить».

Она ожидала мёртвый чат с жалобами на парковку. Вместо этого увидела поток сообщений за последние два часа. Они бежали так быстро, что экран не успевал удержать смысл.

«У кого ещё ночью глазок поймал «длинный коридор»?»

«Это фильтр?»

«Вы чё, рофлите?»

«Скрин кидаю, смотрите в торце»

«Там дверь!!»

«47???»

«Не смешно»

«Я щас полицию вызову»

«Андрей Павлович, это ваша безопасность?»

«Давайте без паники. Завтра соберёмся»

«Миша, убери видео, ты дурной?»

Ника пролистала вверх, нашла первое сообщение. Его написал пользователь «Миша (6 подъезд)». Прикреплён был короткий клип – тот же ночной, выдранный из архива. Под ним уже десятки реакций, смех, злость, вопросы. Люди спорили, не понимая, что перепалка идёт не о правде, а о том, кто первым назовёт вещь.

Ника почувствовала, как у неё холодеют пальцы. Она уже отправила клип Ире. Уже выслала на сервер. А теперь клип жил в доме. И дом смотрел на себя чужими глазами.

В чате выделялось сообщение от «Тамара Ив.»:

«Не надо смотреть по сто раз. Пожалуйста».

Ника прочитала и вспомнила чёрный экран у консьержки. Конкретная, бытовая просьба без объяснений. В потоке насмешек эта просьба выглядела слабой. Но Ника услышала в ней силу: человек, который умеет наблюдать, вдруг просит перестать.

Следом было сообщение от «Андрей Павлович (ТСЖ)»:

«Уважаемые, это либо сбой приложения, либо вирус. Прошу никому ничего не пересылать, не пугать детей, не поднимать шум. Завтра вызовем специалистов».

«Специалисты» были смешно подчеркнуты реакциями. В чате кто-то написал: *«Специалист уже был у Вики. И что?»* Кто-то добавил: *«Ага, а дверь кто нарисовал?»*

Ника прочитала своё имя в чате и вздрогнула. Пользователь «Вика 47» написала в 22:17:

«Ко мне приезжала инженер. Зовут Вероника. Она тоже видела. Это не приколы».

Ника не писала ничего. Виктория писала. Значит, Виктория жива и в сети. Получается, она держит телефон в руках. Следовательно, она тоже читает чат, тоже смотрит.

Ника набрала ей снова: «Виктория, не сидите в чате. Не смотрите. Уберите уведомления. Я приеду утром. Ответьте».

Ответа не было.

В чате появился новый клип. Его прислал «Лена 56». Подпись: «У меня тоже. Смотрите на 8 сек».

Ника нажала, хотя знала, что не должна. Это решение не было импульсом; это был долг инженера, который привык смотреть на проблему ясным умом.

Картинка открылась. Другой этаж. Другой подъезд. Площадка похожая – те же двери, тот же мусоропровод, тот же лифт. И всё же различие было в воздухе: свет другой, угол иной, коврики разные. На записи коридор тоже тянулся дальше, чем положено. И в конце снова была дверь. Номер не читался. Но дверь определённо была.

На восьмой секунде в кадр вошла фигура, близко к камере, слишком близко, чтобы распознать лицо. Она задержалась на секунду, и Ника увидела на рукаве знакомую светоотражающую полосу – такой рисунок бывает на рабочих куртках сервисных служб. Фигура наклонилась к глазку, и на мгновение экран заполнило белое пятно – линзу накрыла ладонь.

Клип оборвался.

Ника отняла телефон от лица – рефлекторно, слишком быстро. В кухне было тихо. Чайник остыл. Вода в кружке стала едва тёплой и неприятной.

Она поняла, что клипы уже не привязаны к одной квартире. Они размножились.

Телефон показал время: 01:46.

Ника не заметила, как пролетели часы. Она сидела, листая чат, пытаясь удержать поток. Сообщения шли и шли, люди ругались, кто-то шутил, кто-то угрожал, кто-то выкладывал скрины. В этом было что-то особенно страшное: ужас, разбавленный бытом, эмодзи, матом, голосовыми, где на фоне слышно, как кто-то режет хлеб.

Появилось новое сообщение от «Миша (6 подъезд)»:

«Я скачал исходник. Там метадата странная. Щас кину. Только не баньте».

Следом – файл .txt. Ника открыла.

Там были строки, похожие на логи: device_id, event_time, duration. Время везде 03:33. Длительность – 12.0. И ещё одна строка: «viewer_count».

Счётчик просмотров.

Ника перечитала. У обычных видеоглазков нет «viewer_count». Это не социальная сеть. У камеры нет понятия «сколько глаз посмотрело». Если это появилось в файле, значит, кто-то добавил. Или кто-то изнутри системы считает.

В чате Миша добавил: «Смотрите, после каждого просмотра меняется шум. Я думал, у меня глюк. Но нет. Реально».

Ника закрыла файл и посмотрела на свой телефон. Она вдруг почувствовала себя не инженером, а зрителем, который сидит в зале и понимает, что сцену поставили именно для него.

Она выключила телефон. Полностью. Долгое нажатие, ползунок. Экран погас.

Тьма кухни стала плотнее. И в этой тьме впервые за вечер она услышала собственный дом: тонкий треск батареи, щелчок холодильника, слабый гул лифта где-то далеко за стенами. Звуки успокаивали, пока не начинали складываться в рисунок.

В два двадцать три из подъезда донеслись шаги. Кто-то поднимался, тяжело, с паузами. Ника стояла у двери и прислушивалась. Шаги остановились на её этаже. Тишина задержалась. Потом послышался ключ в соседнем замке, дверная щель, короткий вздох. Сосед пришёл домой.

Ника вернулась на кухню и попыталась лечь на диван в комнате. Сон не шёл. Капюшон тревоги сидел на голове, даже когда глаза закрыты. Она лежала и думала о цифрах 03:33, о том, как часто один и тот же час превращается в крючок для человеческой психики. В детстве это были «страшные минуты», в зрелости – поломка режима сна. Сейчас – уведомление.

В 03:27 она встала. Это было не осознанное желание. Казалось, что тело уже знало расписание, навязанное извне.

Она включила телефон.

Десятки уведомлений. Чат пульсировал, несмотря на глубокую ночь. В ленте архива у Виктории появилась новая запись – ещё один «новый клип». Всё с тем же временем.

Ника не открывала сразу. Она стояла на кухне, держась за край стола, и смотрела на экран, где вверху светились цифры 03:32. В этот момент ей показалось, что время в квартире стало хрупким – любой звук мог его треснуть.

03:33.

Телефон вибрировал один раз. Без лишних сигналов. Только один.

Ника открыла клип.

Чёрно-белое. Ночной режим.

Камера смотрела на площадку шестого этажа. На этот раз коридор был длиннее, чем во всех предыдущих записях: окно оказалось не в торце, а сбоку – его место в кадре сместилось. За окном не было двора; за окном была темнота без огней, глухая. Лампа под потолком светила холодно, без мерцания.

На третьей секунде в кадр вошла она. Ника узнала движение плеча, то, как сумка стучится о бок, как рука придерживает ремень. Она шла чуть медленнее, чем обычно. Впереди, на далёком конце, темнела дверь с цифрами 47.

На девятой секунде она остановилась у двери сорок седьмой – у настоящей. Повернулась к камере и подняла голову. В этом повороте было то, чего Ника не делала бы в реальности: она смотрела не на дверь, не по сторонам, а прямо в объектив.

На одиннадцатой секунде дверь в конце коридора приоткрылась. Из щели потянуло тьмой. Тень, стоявшая рядом с ней, двинулась – впервые чётко, вперёд.

Ника на видео сделала шаг.

И клип не оборвался.

Полоса записи пошла дальше. Ещё на одно деление.

Тринадцатая секунда.

Картинка дрогнула; камера пыталась сфокусироваться на том, чего быть не должно. Ника увидела, что дверь сорок седьмой квартиры— настоящая, у которой она стояла – тоже приоткрывается. Не наружу. Изнутри. Тонкая щель в её полотне стала шире, и из квартиры Виктории вышел свет – тёплый, домашний. В этот свет высунулась рука. Ладонь легла на дверь, как на стену. Пальцы были в чём-то тёмном – то ли в грязи, то ли в саже.

Рука медленно сжала край двери.

И в этот момент Ника на видео подняла вторую руку к объективу.

Экран заполнила кожа пальцев, светлые подушечки, линии. Пять секунд назад этого не было. На тринадцатой секунде она дотронулась до камеры с той стороны, с площадки.

Клип оборвался, но не на белом экране приложения. На чёрном: телефон у Ники в руке погас.

Она нажала кнопку питания. Ничего.

Секунда. Две. Три.

Экран не включался.

В тишине кухни, в той паузе, когда техника обычно думает, Ника услышала другой звук – очень тихий, из динамика, изнутри телефона: короткий сухой щелчок, похожий на замок.

А затем едва слышное трение, точно по стеклу медленно провели ногтем.

Ника дёрнула зарядный провод от розетки, прижала штекер к телефону, проверяя, оживёт ли он. Экран оставался глухим. Стекло под пальцами было холодное и сухое – никакого тепла, никакой отдачи, только её собственное давление.

Она отнесла телефон к лампе, прищурилась. На чёрном стекле, под углом, проступал мутный след – отпечаток не её пальца: линия, похожая на мазок, как на дверной обивке после грязной ладони. Ника потерла. След не исчез сразу, только размазался тоньше.

Трение повторилось. Теперь уже не из динамика. Оно пришло из прихожей.

Ника замерла посреди кухни. В коридоре квартиры было темно; свет с кухни туда не доходил, дробился на стене и умирал. Трение прошло ещё раз, уже медленно, с паузой между движениями. Так скребут ногтем по поверхности не от злости, а от нетерпения. Так проверяют, слышит ли кто-то.

Ника подошла к входной двери. Прижалась ухом к дерматиону. За дверью ничего не шевелилось, только тянуло подъездом – чужим табаком и сырой обувью. Замок молчал. Ручка не двигалась.

Она взглянула в глазок.

Площадка была пустая. Лампочка на её этаже давала привычный желтоватый свет, лифт стоял на месте, на стене висело объявление по поводу проверки счётчиков. Ника уже хотела отступить, когда в глубине поля зрения – у торца, где обычно заканчивается коридор, – мелькнуло движение. Не фигура. Изменение в геометрии: край стены, который на секунду стал не там. Ника моргнула. Всё вернулось.

Сзади, на кухне, щёлкнуло.

Телефон, оставленный на столе, загорелся сам. Не логотипом загрузки, не домашним экраном – приложением. Чёрно-белая картинка заняла весь дисплей.

Это была её кухня.

Ракурс – сверху, из угла, где у неё не было ни камер, ни датчиков, ни даже полки. Видно стол, на нём ноутбук, кружка, провод. Видно её саму – в халате, с напряжёнными плечами, с телефоном в руке. Видно, как она делает шаг к двери.

За её спиной, в тёмном проёме прихожей, стояло пятно. Оно не имело лица, не имело рук. Оно просто занимало пространство, где воздуха оказалось меньше.

Полоса записи снизу ползла быстро: двенадцать секунд.

На одиннадцатой секунде Ника на видео подняла голову и посмотрела не на телефон, а вверх – точно в угол, откуда её снимали.

На двенадцатой секунде пятно в проёме сделало шаг вперёд.

Экран погас.

И в полной тишине квартиры, на границе между кухней и прихожей, снова прозвучал тот самый сухой щелчок – замок проверили изнутри.

Глава 3. Повтор

Утро пришло не светом – *серостью*, в которой вещи теряли края. Ника проснулась раньше будильника и лежала, не двигаясь, пока мозг собирал ночь по кускам: короткий клип, тринадцатая секунда, ладонь на объективе, щелчок замка, царапанье по стеклу. В квартире было тихо, но тишина больше не утешала; она стала напоминанием, что любое движение отзовется.

Телефон лежал на столе. Экран молчал. Зарядка была подключена. Ника подняла устройство, нажала кнопку питания и почувствовала облегчение, почти стыдное: аппарат включился, показал обычный интерфейс, как ни в чём не бывало. Ника проверила стекло. Вчерашний мутный след исчез. На чёрном фоне оставались только её отпечатки: живые, привычные, человеческие.

Она сварила кофе, но не выпила; кружка стояла, отдавая слабым запахом горечи, и этот аромат казался лишним этим утром, где каждое ощущение требовало внимания. Ника открыла рабочий ноутбук, подтянула ночные файлы с сервера. Папка с именем заявки была на месте. Видео тоже. На секунду ей стало легче: если клипы существуют как данные, значит, они подчиняются законам.

Плеер открыл первый ночной клип Виктории. Двенадцать секунд. Ночной режим. Длинный коридор. Дверь 47. Тень. Движение ручки.

Ника промотала до конца и включила снова. Она не искала страх. Она проверяла постоянство.

На втором просмотре перспектива вела себя иначе: глубина оказалась чуть короче, окно в торце снова проглядывало, а дверь в конце стала не такой явной – цифры размылись. Ника остановила, вернулась назад, сравнила с предыдущими кадрами. Плеер показывал один и тот же файл, одна и та же контрольная сумма в свойствах. Файл не менялся.

Менялось восприятие. Или менялось то, что показывалось.

Ника встала и прошлась по квартире. Холодная вода из крана резанула пальцы, будто напомнила о физике. Она умылась, оделась, проверила сумку с инструментами, добавила запасной модуль и маленькую камеру-эндоскоп – на случай, если придётся смотреть внутрь двери или крепления. Пальцы делали всё уверенно. Внутри же оставалась пустая зона, где обычно лежали объяснения.

В восемь сорок пять она уже была на Аэродромной.

Двор выглядел дневным и равнодушным. Детская площадка перестала скрипеть в одиночку – на качелях сидела женщина с телефоном, рядом бегал ребёнок. Машины стояли ровными рядами. Подъезд №6 был таким же, как вчера: облезлая дверь, домофон, влажное стекло.

Внутри пахло так же, как вчера, только хлорка уступила место пыли и холодному бетону. Свет в холле дёргался, на стенде всё ещё висел лист с QR-кодом, обведённый сердечком, а рядом чужая надпись «не сканируйте».

Тамара Ивановна была на месте. Вахтёрский стол, тетрадь, чайник. На этот раз на столе не было ни экрана, ни лишних предметов. Только тетрадь и ручка.

Она подняла глаза на Нику сразу, без вопроса.

– Пришли, – заявила женщина, и в этом слове не было приветствия; был факт.

– Виктория отвечала вам? – поинтересовалась Ника, не снимая куртки. Голос прозвучал невозмутимо, но в груди проседало.

Тамара Ивановна сжала ручку.

– Ночь она не спала, – ответила она с беспокойством в голосе. – Утром открыла дверь соседке, минут на десять. Потом опять заперлась.

– Жива?

– Живая. Только... – Тамара Ивановна замолчала, затем добавила тише: – Она глазами уже не здесь.

Ника хотела спросить, что это значит, но слова застряли. В подъезд вошёл мужчина лет сорока пяти, в пуховике, с папкой и ключами. Шёл уверенно, хозяйски. На лице усталость человека, которого уже успели обвинить в чужих страхах.

– Доброе, – бросил он, не глядя на Тамару Ивановну. Потом заметил Нику: – Вы из сервиса?

Ника показала бейдж.

– Андрей Павлович, председатель, – представился мужчина. Он говорил быстро, будто хотел успеть сказать всё раньше, чем его перебьют. – Ситуация... неприятная. В чате паника, люди кидают видео, кто-то уже пишет заявления. Я хочу, чтобы вы дали мне официальное заключение: сбой, вирус, что угодно. Мы это погасим.

Ника почувствовала раздражение, не к нему, к самой формулировке «что угодно». Любое «что угодно» становится ложью, если за ним прячется неизвестное.

– Официальное я дам после диагностики, – ответила она невозмутимо. – Дайте доступ к оборудованию: роутеры, сервер, если есть, облачная подписка, кто ставил систему.

– Ставил подрядчик, – Андрей Павлович выдохнул. – Документы есть. Но вы поймите: это видео... люди накручивают. Там какой-то перспективный глюк. Линза. Ночной режим. Панелька... она сама по себе страшная, а тут ещё это. Мы должны закрыть вопрос.

Тамара Ивановна посмотрела на него так, что мужчина на секунду сбился.

– Закрыть – не значит убрать, – заметила она негромко.

Андрей Павлович резко повернулся к ней.

– Тамара Ивановна, давайте без этого. У вас... свои взгляды.

На слове «взгляды» у Ники внутри что-то холодно щёлкнуло. Ей не понравилось, как слово совпало с темой.

Она пошла к лифту, не объясняя, почему торопится. Андрей Павлович двинулся за ней, но остановился, увидев, что Ника не собирается обсуждать чаты в холле.

Лифт поднял её на шестой этаж. Двери раскрылись. Площадка встретила буднично: четыре двери, мусоропровод, лифт, окно в торце. Свет мерцал, как вчера. Ника задержалась у порога лифта и проверила глазами геометрию – привычка инженера, который вдруг стал замечать пространство.

Коридор был короткий. Окно на месте. Торец неподвижный. Ника пошла к 47-й.

У двери уже стояла соседка – женщина лет пятидесяти, в халате, с полотенцем на голове. Она держала чашку, и чашка дрожала от нервов.

– Вы к Вике? – спросила соседка, и в голосе слышалась злость, которой некуда выйти. – Она ночами не спит, ходит туда-сюда, а потом пишет в чат... У меня муж на вахту собирается, я сама одна остаюсь, мне тоже не надо это всё.

Ника кивнула.

– Я инженер. Я пришла разобраться. Всё будет в порядке, со всем разберёмся.

Соседка выдохнула, словно выпустила из груди то, что держала с ночи.

– Разбирайтесь, пожалуйста, быстрее, – выдала она. – Только... – она подалась ближе и прошептала, хотя вокруг никого не было: – Только вы ей скажите, чтобы она не смотрела. Она смотрит, как... как на плохой сон. А потом начинает говорить странное. Про дверь. Про то, что «внутри тоже подъезд».

Ника не ответила. Слова «внутри тоже подъезд» легли тяжело, без метафор.

Она позвонила в дверь.

Тишина.

Ещё раз. Короткий звонок. За дверью кто-то шевельнулся: не шагами, не голосом. Перемещение веса. Ника почувствовала его кожей, точно к двери приложили ладонь изнутри.

Замок щёлкнул. Цепочка осталась.

– Кто? – голос Виктории был хриплым, как после ночи без воды.

– Ника. Сервис. Я обещала быть утром.

Возникла странная пауза. Ника слышала дыхание. Долго.

Цепочка снялась. Дверь открылась ровно настолько, чтобы впустить её и тут же снова закрыть за спиной.

Виктория стояла в прихожей в той же одежде, что вчера. Волосы были собраны иначе, но это ничего не меняло: в лице оставалась одна и та же ночь. Под глазами виднелись синеватые тени. Губы были пересохшие. В руках телефон, сжатый так крепко, что пальцы побелели.

Ника задержалась в прихожей на лишнюю секунду. Мужская куртка на крючке всё так же выглядела не забытой, а просто оставленной на минуту, как оставляют перед выходом «сейчас вернусь». На тумбочке лежали две связки ключей, и эта пара резала глаз сильнее любого видео.

– Виктория, – сказала Ника тихо. – Мне нужны точные вещи. Без ленты и без чата. Когда он вышел? Что вы слышали? Был ли лифт? Голоса? Стук?

Виктория сначала смотрела мимо – в стену, в дверь, в собственные пальцы. Потом вновь сжала телефон так, что ногти побелели.

– В три тридцать три, – выдохнула она. – Пришло уведомление. Он встал, сказал, что проверит... не помню что. Замок щёлкнул один раз, потом второй. Дверь закрылась. Я слышала шаги, наверное, два, не больше. И всё. Ни лифта. Ни голосов. Только тишина, которая висит, пока не начнёшь считать.

Она сглотнула, и на секунду в горле у неё дрогнуло что-то совсем детское.

– Я звала, – продолжила Виктория. – Сначала тихо. Потом громче. Потом перестала. Я не вышла. Я смотрела в глазок. Смотрела до рассвета. Ждала, что он попадёт в кадр... что я увижу, как он возвращается.

Виктория подняла глаза. В них было не оправдание, а попытка удержать себя в здравом смысле.

– А утром, когда стало светло, я решила, что всё, – отметила она глухо. – Что это была паника, что он просто... – она не договорила.

– И? – очень спокойно спросила Ника.

Виктория медленно выдохнула и кивнула в сторону двери.

– Я ещё раз посмотрела, – выдала она с дрожью в голосе. – Уже на цветном разрешении. Уже в нормальном состоянии. Площадка была пустая. Окно в торце на месте. И я почти поверила. А потом... – пальцы Виктории произвольно сжали край телефона. – Потом в отражении стекла глазка на секунду возник прямоугольник. Темнее стены. Ровный. Слишком правильный для пятна.

Она закрыла глаза, словно снова видела это изнутри.

– Дверь, – прошептала Виктория. – Не на видео. В самом глазке. На одну секунду. И после этого я уже не могла открыть. Мне казалось: если я открою, коридор станет настоящим. Вы же сами всё это видели? Вы же знаете, что это продолжается?

– Я вижу, что лента обновляется, – как можно спокойнее ответила Ника. – Устройство ведёт себя ненормально. Мне нужно, чтобы вы сделали две вещи: выключили уведомления и перестали пересматривать.

Виктория улыбнулась – быстро, болезненно.

– Нельзя перестать, – пробормотала она. В этом признании не было театра, лишь стыд. – Там... меняется. Оно... оно проверяет нас.

Ника почувствовала, как в животе поднимается холод. Она ненавидела, когда в технической проблеме появлялись глаголы, которые обычно относятся к живому: «проверяет», «смотрит», «ждёт».

– Виктория, – сказала Ника тихо. – Я понимаю страх. Правда. Но ваш муж пропал. Сутки смотреть в телефон – это не поиск. Это петля.

Виктория дёрнула плечом. Движение было злым, но злость шла не наружу, а внутрь – в неё саму.

– И что я им скажу? – спросила она хрипло. – Что у меня только запись? Что дверь в подъезде появилась? Они же... – она сглотнула. – Они начнут задавать вопросы. Пил? Ушёл? Где работал? Бил? Меня спросят так, будто я виновата, что он исчез. И потом посмотрят на меня... – Виктория резко вдохнула, словно воздух закончился. – И решат, что я не в себе.

Ника удержала паузу, чтобы не звучать учителем. Она видела: Виктория ждёт именно этого – снисхождения, чтобы оттолкнуть его и спрятаться за ним.

– Вы не сумасшедшая, – выразила Ника свою мысль как можно логичнее. – Вы женщина, у которой ночью пропал муж. Полиции не нужно верить в дверь. Полиции нужно зафиксировать факт: время, подъезд, последний выход, камеры, свидетели. Бумага, вызов, отметка. Это начало.

Виктория мотнула головой, резко и наотрез. На глазах выступили слёзы, но она не дала им упасть. Она держалась из последних сил, и в этом удержании было упрямство.

– Нет, – заявила она громко. – Я не буду. Пока... пока я не пойму, что там. Я не хочу, чтобы они пришли и начали ходить по подъезду, стучать, смотреть, спрашивать у соседей. – Она прижала ладонь к груди, будто там стучало слишком громко. – Это разнесут. И тогда все будут смотреть. Все. Понимаете? Да и сейчас уже все глядят, но будет ещё хуже.

Ника почувствовала ледяное раздражение, не к Виктории, к правде её слов. Домовой чат уже показал, что делает коллективное внимание.

– Понимаю, – сказала Ника. И добавила сухо: – Но вы сейчас выбираете экран вместо действий.

Виктория подняла на неё глаза.

– А вы? – поинтересовалась она почти шёпотом. – Вы же тоже смотрели. И вы тоже... – взгляд метнулся к сумке Ники. – Вам же тоже, наверняка, пришлось.

Ника не ответила сразу. Отнекиваться было бессмысленно, а врать опасно.

– Да, – призналась она. – Мне пришлось. И на записи есть я. Поэтому и здесь. Я попробую решить это иначе: без толпы, без лишних глаз. Я разберусь с техникой, с сетью, с логами, с тем, кто туда лезет. Но вы должны сделать одно.

Виктория напряглась, ожидая приказа.

– Не открывайте дверь, – сообщила Ника ясно. – И не смотрите бесконечно. Один раз, только если нужно показать мне. Остальное просто остановите. Если вы не готовы звонить сейчас, я не буду настаивать. Но если сегодня появится стук, голос, знакомый шаг – вы сидите в комнате и молчите. Поняли?

Виктория кивнула, но вышло неуверенно.

Ника сжала губы. Решение давалось тяжело. Внутри всё требовало: фиксировать, вызывать, оформлять. Но она уже знала цену внимания.

– Хорошо, – подвела итог Ника, внутренне сопротивляясь. – Я пока не звоню сама. Я попробую сначала зацепиться за данные. Но если к вечеру не будет опоры, то вызовем. И тогда вы скажете только одно: «Пропал человек». Без дверей. Без коридора. Я возьму остальное на себя.

Ника выдохнула и протянула руку:

– Теперь покажите мне самый свежий клип.

Виктория протянула телефон. Рука дрожала. Ника отметила мелочь: на ногтях Виктории был лак, но лак был облуплен не от быта, а от того, что ногти грызли.

Клип открылся. Ночной режим. 03:33. Дата сегодняшняя.

Ника моргнула.

– Сегодняшняя? – спросила она, стараясь не выдавать внутреннего провала.

Виктория кивнула.

– Оно... – Виктория проглотила слова. – Оно перестало делать «завтра». Теперь пишет «сегодня». Словно... словно ему больше не надо ждать.

Ника мысленно отметила: в ленте действительно могла появиться запись с реальным временем, если система «догнала» календарь. Это звучало как объяснение, пока рядом не стояла дверь, которой не должно быть.

На видео площадка была похожа на реальную. Коридор короткий. Окно в торце есть. Всё привычно. Ника чуть расслабилась на долю секунды. Затем взгляд зацепился за мелочь: на стене возле лифта висела табличка «6 этаж». На видео она была перевёрнута вверх ногами.

В реальности табличка висела правильно.

Ника остановила кадр. Увеличила. Да, табличка была не только перевёрнута; она была другой – цифра выглядела будто написанной иной рукой, тоньше.

– Вы это замечали? – спросила Ника.

Виктория покачала головой и вцепилась пальцами в край своего телефона, точно боялась, что он выпадет и упадёт в глубину.

– Там всё не так, – объясняла она сбивчиво. – Я пыталась перечислять. У меня получалось. Потом переставало получаться. Слова... не держатся. Понимаете? – В её голосе появился оттенок отчаяния. – Я говорю «окно», а потом вижу «дверь». Я говорю «коридор», а потом он... он другой.

Ника промотала дальше. На седьмой секунде в кадре мелькнуло движение возле мусоропровода. Не фигура, а рука, тонкая полоска. Восьмая секунда: крышка мусоропровода приоткрылась на щель. Девятая: крышка закрылась. Движения были слишком аккуратными. На десятой секунде из торца, там, где окно, на видео пошёл свет. Тёплый, домашний. Свет выходил не из окна. Он шёл из щели, похожей на дверной проём.

На одиннадцатой секунде в торце действительно появилась дверь. Цифры на ней были не 47, а 48.

Ника замерла.

– Соседская? – прошептала Виктория.

Ника повернулась и посмотрела через глазок на двери на площадке, вспомнила, что напротив есть 48. Номер 48 был рядом с 47. В реальности он был на другой стороне.

Видео показывало дверь не там, где она должна быть. Запись делала перестановки. Не только удлиняло, но меняло порядок.

Ника ощущала, как мозг пытается выстроить схему: ошибка в алгоритме распознавания, наложение чужого этажа, смешивание потоков. В облаке могло перемешать идентификаторы. В сервере мог быть баг, который подхватывает клипы других квартир. Всё это было возможно.

Проблема лежала в том, что клип выглядел... правильным. Он не был кашей из пикселей. Он был последовательным пространством, в котором просто изменились правила.

– Виктория, – сказала Ника, удерживая голос спокойным. – Я хочу проверить саму дверь и установку глазка. Мне нужно пять минут без видео. Просто железо. Можете?

Виктория вздрогнула, словно её попросили отдать не устройство, а глаза.

– Без видео... – прошептала она. – Тогда я не знаю, что там.

– Там всего лишь лестничная площадка, – отметила Ника собранно. – Мы сейчас её увидим настоящей.

Виктория сглотнула, кивнула. Ника взяла отвёртку, аккуратно сняла внутреннюю рамку видеоглазка. Крепление было стандартное: блок внутри, блок снаружи, стяжка. Ника проверила контакты. Всё было собрано правильно, руками не дилетанта. Снаружи линза сидела плотно. Ника протёрла её салфеткой, проверила угол. Встроенная плата выглядела новой.

– Кто ставил? – спросила Ника.

– Муж. Сосед помог. – Виктория говорила тихо и медленно, будто выбирала слова через усталость. – Миша тоже приходил... он всё умеет. Он сказал, что видеоглазок «это прикольно» и безопасно. Сейчас перестал смеяться. Удивительно, да?

Ника отметила имя.

– Миша... шестой подъезд?

Виктория кивнула.

Ника собрала рамку, включила сервисный режим. В логах снова висели строки, которые не должны были появляться: «поворот 180», «зеркало». К этому добавилось новое: «viewer_count: 112».

– Сто двенадцать просмотров, – произнесла Ника вслух, не желая. Число прозвучало чужим. Слишком большим для одной женщины.

Виктория закрыла глаза.

– Там в чате ещё накидали, – напомнила она. – Ира какая-то... и ещё люди. Оно... оно растёт, когда смотрят. Я думала, это только у меня в голове и на моём устройстве, потом увидела счётчик.

Ника почувствовала, как под кожей собирается раздражение на всех, кто нажимал «посмотреть». Но раздражение быстро сменилось беспомощностью: люди нажимают всегда. Любопытство – двигатель, а страх – топливо.

– Мне нужен Миша, – уверенно бросила Ника. – И председатель. И доступ к их роутеру. Мы будем резать это по цепочке.

Виктория подняла глаза.

– Резать... – повторила она. В её взгляде мелькнула надежда, похожая на голод. – Вы сможете?

Ника не сказала «да». В подобных ситуациях «да» становится обещанием, а обещания легко ломаются.

– Я попробую, – сказала она. – Главное: дверь не открывайте никому. Даже если... – она остановилась, потому что не знала, что сказать. Нельзя предупредить о том, чего не понимаешь.

Виктория кивнула слишком быстро.

Ника вышла на площадку, закрыла дверь Виктории за собой. Свет в подъезде бил рывками. Она посмотрела на табличку «6 этаж». В реальности цифра была нормальная.

Ника достала свой телефон, открыла видео из вчерашней ночи, которое сохранилось у неё. Она встала на том же месте, где стояла вчера, сверяя ракурс. Клип показал длинный коридор, дверь 47, тень.

Она подняла голову на торец площадки. Окно. Стена. Нормальная геометрия.

Ника снова посмотрела в экран. Дверь в конце коридора на видео была чёткой, как уличный знак. Она перевела взгляд обратно на реальность и на мгновение почувствовала странный диссонанс: окно выглядело чуть дальше, чем секунду назад.

Ника моргнула. Дистанция стала обычной.

Сердце не ударило быстрее. Оно просто «просело». Так тело реагирует на то, что не хочет признавать: картинка уже начала заражать взгляд. Вчера это было «архивное видео». Сегодня это стало проверкой реальности.

На лестнице послышались шаги. Быстрые. По площадке поднялся парень – высокий, худой, в толстовке, с рюкзаком, из которого торчал ноутбук. Лицо подростка не умеет скрывать страх до конца, даже когда смеётся. У этого паренька губы были сухие, а в глазах ночное возбуждение.

– Вы Ника? – спросил он и остановился на безопасном расстоянии, не приближаясь к двери 47-й. В голосе ещё дрожал азарт, который уже начинал спадать.

– Ты Миша?

Парень кивнул.

– Я... – он вздохнул и резко поправил лямку рюкзака, будто хотел зацепиться за физическую вещь. – Я хотел помочь. Я думал, это баг. Я полез в метаданные. А там... – он замолчал, потом выдохнул: – Там счётчик. И... у каждого просмотра меняется шум. Понимаете? Не должен меняться. Файл тот же. Кадры те же. Но... вглядываешься, и он как бы... переупаковывается. Я не умею объяснять правильно.

Ника слушала, отмечая реакцию: подросток говорил быстро, потом сбивался. Пальцы всё время тянулись к карману – к телефону. Он явно хотел показать новые находки, но боялся.

– Ты выложил в чат, – заметила Ника. Это было не обвинение, а факт.

Миша опустил глаза.

– Я хотел, чтобы взрослые перестали говорить «показалось». – Он поднял взгляд, в нём появился стыд. – А потом понял, что я просто дал всем кнопку. Люди жмут. Они не могут не нажать.

Ника кивнула, и от этого жеста Миша вздрогнул: взрослое согласие звучит тяжелее ругани.

– Веди меня к оборудованию, – выдала она твёрдо. – Роутер, главный щит, где стоит их «умный дом». Быстро.

Миша повернулся и пошёл к лестнице, выбирая ступени так, будто хотел не касаться подъезда лишний раз. Ника спустилась за ним. На площадках всё было знакомо: запахи, двери, коврики, чужие замки. Ужас всегда начинается с того, что знакомое перестаёт держать форму.

На первом этаже их догнал Андрей Павлович. Он был раздражён и не скрывал этого. На лице красные пятна, которые появляются у людей после бессонницы и разговоров с десятками соседей.

– Вы уже тут, работаете, – сказал он Нике. – Отлично. Скажите мне одно: это вирус? Вы сможете это остановить?

Ника посмотрела на него. У председателя дрожали пальцы, хотя он старался держаться. Мужчина был не злой; он был человеком, который несёт ответственность за чужие страхи и не имеет инструмента.

– Я скажу вам другое, – ответила Ника. – Кто-то или что-то использует ваши камеры как сеть. Это распространяется. Вам нужно прямо сейчас отключить общий Wi-Fi, если он есть, и прекратить пересылку видео.

Андрей Павлович открыл рот, чтобы возразить, но Миша вмешался, неожиданно жёстко:

– Она правду говорит. Там счётчик просмотров в метадате. Это не «люди накрутили». Так быть не должно.

Председатель посмотрел на подростка с раздражением, затем с недоверием, и в конце концов – с тревогой. Так меняется взгляд, когда он вдруг перестаёт быть руководящим.

– У нас общий Wi-Fi в холле, – пояснил он. – Для домофона. Для камер. Если я выключу, домофон ляжет. Люди не смогут открыть курьерам.

– Пусть поднимаются ногами, – резко сказала Ника. В голосе прозвучала злость, и она не стала её прятать. – Курьер важнее исчезнувших?

Андрей Павлович побледнел.

– Исчезнувших? – переспросил он. Слово зацепилось. – Кто исчез?

Ника поняла, что сказала лишнее. Но назад не забрать.

– В чате писали про пропажу человека, – придумала она, сохраняя сухость. – Я не подтверждаю. Я фиксирую.

Председатель выдохнул, как после удара.

– Тогда в подвал, – обречённо произнёс он. – Там щитовая.

Они спустились ниже первого этажа. Дверь в подвал была тяжёлая, с облезлой краской. Ручка оказалась холодной и мокрой, будто её недавно держали в руке. Ника отметила это и почувствовала укол в затылке: мелочи стали слишком заметными.

Подвал пах сыростью и бетонной плесенью. Внизу свет был неподвижный, холодный: здесь стояли старые лампы, которым всё равно, что чувствуют люди. Провода тянулись по стенам, щитки были подписаны кривыми буквами. Андрей Павлович открыл металлический шкаф, где стоял роутер. На нём мигали огоньки.

Ника подключилась сервисным ноутбуком. Миша стоял рядом, сжал ладони и спрятал их в рука, боясь выдать дрожь. Председатель прислушивался ко всему внимательно, словно мог по шуму вентилятора понять, что происходит.

В логах роутера Ника увидела странные подключения – несколько MAC-адресов, которые менялись каждую минуту. Сеть была открыта для домофона и камер. Кто-то заходил в неё без пароля или с ключом, который уже «утёк». Это объясняло часть: доступ к потоку, вмешательство.

Ника подняла глаза.

– Пароль меняли?

Андрей Павлович мотнул головой.

– Ставили подрядчики. Сказали, не трогать, иначе слетит.

Ника коротко выдохнула.

– Трогаем.

Она отключила сеть. Огоньки на роутере замерли, часть погасла. Тишина в подвале стала ошутимее.

В ту же секунду телефон Миши завибрировал. Подросток вздрогнул и вытащил аппарат, глядя на экран со страхом прочитать приговор.

– Уведомление, – прошептал он. – «Движение. 03:33».

– У тебя же не Викин глазок, – пробормотал Андрей Павлович, и голос у него сорвался. Миша сглотнул.

– Я подписался на общий домашний архив... – признался он. – Чтобы ловить клипы. Я... я думал, это поможет. А теперь оно... оно у меня.

Ника почувствовала раздражение, но задавила его. Сейчас злость была роскошью.

– Открой, – приказала она. – Только не смотри десять раз. Один.

Миша дрожащими пальцами нажал.

На экране появился ночной клип. Площадка. Коридор. Дверь в торце. Номер нечитабельный. Счётчик в углу: viewer_count: 113.

Ника нахмурилась.

– Было же 112, – сказала она.

Миша кивнул, дыхание стало частым.

– Это мы... сейчас... один просмотр...

– Мы не смотрели, – ответила Ника. – Ты открыл. Это и есть плюс один.

Миша побледнел.

– То есть... – он не мог закончить.

Ника смотрела в экран. На клипе было не только пространство. На седьмой секунде в кадр вошёл человек. Он шёл снизу вверх по лестнице и на плече у него висела сумка, похожая на Никину. Лицо не читалось. Но походка была знакомая.

Ника ощутила, как кожа на спине стянулась.

– Это... – промямлил Андрей Павлович, и голос у него стал тихим. – Это вы?

Ника оцепенела. Внутри поднялось чувство, которое она ненавидела: не страх, а сомнение в себе. Её движения могли быть похожи на чьи угодно. Сумка совершенно обычная.

Проблема заключалась в том, что клип был снят не в их подъезде. В кадре был торец без окна. Стена. И свет другой.

– Это не наш подъезд, – тут же выпалил Андрей Павлович, вдруг цепляясь за рациональность.

Ника промотала назад. На табличке этажа было написано «7». Но дом шестиэтажный? Нет. Дом был девятиэтажный. Таблички могли быть разные.

Миша резко выключил экран.

– Я не хочу это видеть, – выдавил он и спрятал телефон в карман так быстро, точно закрывал рот.

Ника кивнула. Её собственное сердце стучало монотонно. Организм держал внешний контроль. Внутри же нарастала мысль: отключение сети не остановило уведомления. Это означало одно из двух: либо клипы приходят не из их роутера, либо сеть уже не важна.

– Андрей Павлович, – обратилась Ника холодно, – вам нужно предупредить всех. Немедленно. Отключить уведомления. Не пересылать клипы. И... – она на секунду задержалась, выбирая слова, которые не прозвучат смешно, – закрывать глазки.

Председатель смотрел на неё испугано, когда понимают, что привычные инструменты больше не работают.

– Как я это объясню? – спросил он хрипло. – Что я скажу? «Не смотрите, иначе будет хуже»? Меня сожрут. Или назовут сумасшедшим.

Тамара Ивановна, которая спустилась за ними тихо, будто её привёл запах тревоги, внезапно вмешалась в разговор:

– Пусть жрут. Главное, чтобы не смотрели.

Ника повернулась к женщине. Тамара Ивановна не улыбалась. Она не делала вид, что знает больше. Она просто стояла рядом с ними в подвале, где влажность слипалась с кожей, и выглядела так, словно давно приняла одно правило: лучше быть смешной, чем мёртвой.

Ника выключила роутер физически и вынула вилку питания. Затем достала из сумки маленькую автономную камеру и закрепила её на стене подвала, направив на шкаф с оборудованием.

– Что вы делаете? – удивлённо произнёс Андрей Павлович.

– Ставлю независимую запись, – ответила Ника. – Без облака. Без приложения. Просто карта памяти. Если что-то поменяется, у нас будет след.

Миша смотрел на камеру и дрожал. Он явно хотел спросить: «А если эта камера тоже станет дверью?» Но язык не двигался.

Ника поднялась обратно наверх. В холле уже стояли люди – несколько соседей, двое мужчин, женщина с ребёнком, кто-то держал телефон в руке, кто-то – нет. Их лица были одинаковые в одном: тревога делает людей похожими.

– Вы инженер? – спросила женщина с ребёнком. Ребёнок держал машинку и не понимал ничего, но тоже молчал. – Скажите, это правда? Что там дверь?

Ника почувствовала тяжесть: каждое слово сейчас могло стать кнопкой.

– Я работаю над этим, – сухо пояснила она. – Пока могу сказать одно: не смотрите. Закройте уведомления. Не пересылайте клипы. Понимаете? Это важно.

– А если кто-то стучит? – влез один из мужчин. В голосе был страх, спрятанный под злостью. – Мне что, вообще не открывать?

Ника кивнула.

– Только знакомым. Только если вы уверены.

Толпа загудела. Кто-то сказал «бред», кто-то сказал «правильно». Кто-то уже открыл телефон и полез в чат. Ника увидела, как у многих дрожат пальцы над кнопкой «видео».

Её собственный телефон завибрировал.

Один раз.

Она не хотела доставать. Но пришлось.

Уведомление было не от глазка, не от домового архива. Пришло с её номера на её номер. Сообщение в мессенджере, отправленное самой себе.

Текст был короткий:

«Не стой напротив. Повернись к торцу».

Ника подняла голову. В холле было окно, за окном двор. Торца как такового не было. Но был коридор к лифту, который уходил внутрь подъезда.

Она почувствовала, как кровь отходит от пальцев.

– Ника? – тихо окликнула Тамара Ивановна, заметив перемену в лице.

Ника не ответила. Она медленно повернулась к коридору лифтового холла.

Свет там горел ровно, без мерцания.

И в конце коридора, где вчера стоял лифт и где, собственно говоря, сегодня тоже был он, на мгновение появилась дверь.

Она была не яркой и не очевидной. Она возникла не как предмет, а как неправильность в линии стены: прямоугольник темнее общего. Иллюзию? Ника моргнула. Прямоугольник исчез. Лифт снова был просто лифтом.

Но в голове осталась форма.

Толпа вокруг продолжала гудеть. Кто-то спорил. Кто-то ругался. Кто-то смеялся слишком громко, защищаясь.

Ника стояла в центре подъезда и понимала простое: *оно вышло за пределы одной квартиры*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.